

АДАМ МИЦКЕВИЧ

МЕЧИСЛАВ ЯСТРУНИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ период, на протяжении которого сложилась индивидуальность Мицкевича, был отмечен двумя событиями мирового значения: Великой французской революцией и революцией 1848 года, явившейся Весной народов. Этот период охватывает всю эпоху Наполеона; в это время на развалинах феодализма поднималась буржуазия; вместе с кодексом Наполеона появилось демократическое законодательство; распространился утопический социализм, и были сделаны первые шаги научным социализмом. В творчестве Мицкевича эта эпоха ограничена с одной стороны — *Одой к молодости*, вдохновленной идеями Великой французской революции, и с другой стороны — его деятельностью в журнале *Трибуна народов*.

Невозможно объяснить взлеты и падения в творчестве Мицкевича в отрыве от тех исторических условий, в которых он жил и творил. Удивительная неровность его натуры и стиля являются следствием переосмысления противоречивых течений и веяний его времени.

Он вобрал в себя и развил все, что в первой половине XIX века было прогрессивного и созидательного: дух революции, демократическую мысль, тенденцию к широким историческим обобщениям, гуманизм.

Подобно зеркалу, отражающему самые потаенные глубины, его поэтическое творчество отражало и концентрировало трагедию, которую переживали лучшие люди в Польше, отсталой для своего времени страны, — те, кто искал выхода из путаницы противоречивых течений и борьбы, шедшей в Европе на протяжении первой половины XIX века.

Мицкевич был не только поэтом, воспевавшим действие, он был человеком действия. Его моральные принципы были так высоки, что он мог сказать — это он-то, так много работавший над своими произведениями: «Труднее хорошо провести день, чем написать книгу».

Произведения, написанные в первый период — в период становления его гения, до процесса фи-

ломатов и его отъезда в Россию, сразу поразили читателей богатством содержания и совершенством формы. Помимо *Оды к молодости*, в которой чувствуется дыхание революции, *Баллад и романсов*, навеянных народными мотивами, патриотической поэмы *Гражина*, написанной великолепным классическим стихом, упомянем о фрагментах поэмы *Дяды*, одной из самых новаторских работ той эпохи. Название *Дяды* — «Деды» — означает древний языческий обряд, которым литовцы чтят своих предков и который еще соблюдался во времена Мицкевича. Этому обряду придается в поэме Мицкевича общечеловеческое значение. Обрядовые заклятия стилизованы в поэме в виде народных хоров и песен. Эти песни подхватывают призраки, вышедшие из ада и чистилища, чтобы принять участие в празднестве дня усопших. Вышедшая из ада тень злого господина тщетно молит прибывших на празднество рабов, которых он когда-то истязал; они образуют хор ночных птиц и требуют наказания жестокого властелина. Эта сцена из второй части *Дядов*, являющаяся лучшим образцом протеста против гнета в старинной польской поэзии, проникнута народной моралью — преступление влечет за собой справедливое возмездие. Эта сцена возводит молодого Мицкевича в ранг революционных поэтов-романтиков.

Великая французская революция высвободила силы гнева, долгое время накапливавшиеся в народе, вызвала к жизни протест против социального и этического порядка, подняла человека, задыхавшегося в тисках феодализма, и противопоставила душившей его тирании. Подобно Шиллеру, Мицкевич связывал политический протест с требованием права на любовь, права свободно следовать голосу сердца. Автор *Оды к молодости* —

оды, господствующей идеей которой является борьба против устарелых форм общественной жизни, борьба за счастье всего человечества, — остался верен этой идее и в *Дядях*, хотя он и выразил ее здесь иначе.

* * *

Осужденный после процесса участников молодежной организации в Вильно, Мицкевич не падает духом; он завязывает связи с русскими революционерами, вступает в дружеские отношения с Пушкиным. За те несколько лет, которые он вынужден был провести в России, он создает новые произведения, совсем не похожие на те, что появились в Вильно и Ковно. Удивительная сила воображения позволяет ему менять формы и стили, никогда не повторяться, беспрестанно совершенствоваться. Самыми крупными его произведениями этого периода являются *Крымские сонеты* и *Конрад Валленрод*, совсем разные, но оба одинаково значительные. В *Крымских сонетах* поразительны описания природы; они даны в романтическом и одновременно классическом духе и образуют вместе с глубокими размышлениями, родившимися из жизненного опыта такого молодого, но уже зрелого поэта, единое гармоничное целое. Пластичность выражения, краски, форма, несравненная звучность поэтической фразы этих описаний не утратили с течением времени ни своей свежести, ни своей силы.

Вторая большая работа Мицкевича, написанная им в этот период, — *Конрад Валленрод* — в известной мере развивает мысли и идеи, заложенные в *Оде к молодости* и в *Дядях*, написанных в Вильно. Здесь тоже (несмотря на исторический костюм, скрывавший от глаз царской цензуры подлинный смысл поэмы) выведен одинокий борец, сражающийся за сча-

стве своей родины. *Конрад Валленрод* был написан после провала восстания декабристов,— его внутренняя связь с революционным движением русской молодежи несомненна. Это историческое событие обогатило горький опыт автора *Оды к молодости*, раскрыло ему положение в Польше в новом, более мрачном свете. В поэме *Валленрод* показан человек, который, напрасно испробовав все способы открытой борьбы с преобладающей силой противника, прибегает к обману, отчаявшись преуспеть другим путем. *Валленрод* — гимн любви и ненависти, показывающий без прикрас и рисовки трагедию тщетной борьбы за освобождение от бесчеловечного гнета; это одно из самых трагических произведений Мицкевича, но в то же время в нем утверждается бессмертие народа, стремление человека к свободе.

Так, во всяком случае, поняла эту поэму тогдашняя польская молодежь. *Конрад Валленрод* оказал огромное влияние на общественное сознание поляков после 1829 года. Ноябрьское восстание против царизма было в значительной мере вдохновлено патристической и революционной аллегорией, какою было это «тевтонское сказание». «Без Валленрода не было бы Бельведера» (т. е. восстания 1830—1831 гг.), — говорит известный критик эпохи романтизма и историк, описавший восстание, — Маврикий Мохнацкий.

* * *

С помощью русских друзей, в частности Пушкина, поэту удалось, наконец, добиться разрешения покинуть Россию.

Начинается новый период деятельности Мицкевича. Он отправляется в поездку по Западной Европе, посещает Гете в Веймаре, встречается с Ганкой в Праге, переселивается через Альпы, проводит

некоторое время в Италии, едет в Рим, затем в Париж.

После провала ноябрьского восстания он поселяется в Дрездене (он прибыл туда после неудачной попытки пробраться через Познань к повстанцам). Там он пишет самую знаменитую из своих драматических поэм — третью часть *Дзядов*. Это произведение он связывает с *Дзядами* вильнского периода *Прологом*, *Ночь поминания усопших*, которая поражает прежде всего мощью общего трагического тона, приобретшего здесь особую силу. Характерной и самой замечательной чертой этой драматической мистерии является ее реалистичность. Мицкевич, используя новую художественную форму, к которой никто до него не прибегал, придал реальным историческим фактам окраску фантазии. В этом отношении с *Дзядами* может быть в какой-то мере сравнима лишь *Божественная комедия* Данте. Реалист по своему характеру, поэт не умел, да и не хотел, описывать события, в которых он сам не принимал участия. Поэту сюжетом третьей части *Дзядов* является не ноябрьское восстание, а процесс молодежной организации в Вильно в 1823 году. Поэт описывает события прошлого, казалось бы, столь незначительные по сравнению с той исторической катастрофой, которая заставила его взяться за перо, во всеоружии зрелого мастерства, со всею силой чувства, пробужденного и раскрывшегося в нем благодаря страданиям его народа.

Жорж Санд в своем *Очерке о фантастической драме* следующим образом характеризует значение третьей части *Дзядов*: «В ней запечатлены такие картины, какие не могли бы написать ни Байрон, ни Гете, ни Данте. Со времен пророков Сиона, со времен их слез и стонаний, ни один голос не звучал с такою силой и никому не приходилось оплакивать такое страш-

ное несчастье, как крушение целого народа». Это суждение французской писательницы о *Дядях* показывает, какое впечатление произвело тогда это произведение, даже в его прозаическом переводе.

* * *

После 1834 года Мицкевич умолкает. Его гнетут тяжелые материальные условия. Кафедра профессора латинской литературы в Лозаннском университете, полученная в 1839 году, спасает его от нищеты. Через год он возвращается в Париж, где получает в Коллеж де Франс только что созданную кафедру славянских литератур. Лекции Мицкевича скоро приобретают известность и привлекают толпы слушателей. Поэт читал лекции о славянских литературах на французском языке. Его слушатели состояли из поляков и французов.

В эту эпоху Мицкевич дружит с Мишле и Кине; Сент-Бев и Жорж Санд посещают его лекции, являвшиеся первой смелой попыткой осмыслить историю славянских литератур.

Несмотря на все недочеты и ошибки, в этих лекциях содержится много глубоких и пронизательных суждений, не теряющих своего интереса даже и в настоящее время. Педагогическая деятельность Мицкевича не замедлила возбудить беспокойство у французского правительства того времени. Поэт был удален из Коллеж де Франс за пропаганду культа Наполеона I. Начинается самый печальный и тяжелый период жизни поэта, подпавшего под влияние мистического учения Товьянского.

Только в 1848 году происходит духовное возрождение Мицкевича, в нем загорается новая надежда. Мицкевич снова становится деятельным. Он организует в Италии Польский легион. И когда папа

Пий IX отказывается благословить знамя Легиона, поэт хватает его за рукав, крича: «Знай же, что божественный дух обитает сейчас под блузами рабочих Парижа». Он составляет «свод принципов» Легиона — демократическую программу общественного переустройства Польши. В 1849 году он становится редактором французской революционной газеты *Трибуна народов*. Он печатает статьи, направленные против буржуазии, защищает социалистов и республиканцев, восстает против политики церкви и партии орлеанистов. В *Трибуне народов* он занимает подлинно революционную позицию. Он пишет: «Настоящий социализм... показывает, что в старом обществе не существует ни одного принципа, на котором можно было бы строить законную власть, иными словами — принципа, который находился бы в гармонии с нынешними потребностями человечества».

Он провозглашает принцип международной солидарности народов; в каждом народе видит частицу великого «единого народа».

Трибуну народов запретили, а поэт вынужден был скрываться от преследований полиции. Несколько позже он согласился занять место библиотекаря в парижской «Библиотеке арсенала». Последние годы его жизни протекали в бедности и несчастьях. В эпоху наступления реакции Мицкевич окончательно умолк. Поэт, остро ощущавший свою ответственность перед народом, не мог заставить себя писать в мире, не содейвавшем для него никаких надежд.

Последний раз он перешел к активной деятельности в 1855 году. Он уехал в Турцию, которая с 1853 года воевала с Россией. Он отправился туда в надежде оказать услугу Польше, организовав легион, который сражался бы рядом с турецкими армиями.

В самый разгар деятельности по организации этого легиона он заболел и внезапно умер в Бургасе, в лагере польского легиона.

Умолк один из величайших поэтов XIX века. Но искусство Мицкевича продолжает нас изумлять, его творчество неизменно поражает тех, кто склоняется над его произведениями, чтобы еще раз перечитать их.

Его поэзия пронизана неотступным стремлением к более совершенным, более чистым формам общественной и личной жизни. Она испускает такой свет, что, кажет-

ся, повествует нам не о надеждах, а о победах даже там, где речь идет о печальных событиях, о страданиях. Она сочетает в себе — и так органично, как ни у кого другого, — фантазию с острым ощущением реальности. Самые фантастические творения Мицкевича рождаются из реальности так естественно, как если бы они всегда были реальными, и лишь наши невнимательные глаза не могли сразу распознать это. Он сам говорил, «что не любит описывать королевства, которых нельзя было бы найти на карте».